

Владимир Набоков и Ирина Гуаданини

(Набоков за работой, дом 22 по Несторштрассе, Берлин, 1936 г. Источник фото: Б. Бойд. Владимир Набоков: русские годы. СПб. : Симпозиум, 2001. - 695 с. Найти в фонде ДРЗ: Чит.зал: 23092; Кх: 23093; 23091; 26155)

1936 год. Слава тридцатисемилетнего писателя Владимира Набокова набирает обороты – его произведения публикуются в лучших литературных журналах русской эмиграции, некоторые литераторы называют его единственным младоэмигрантом, достойным звания писателя и провозглашают дарование Сирина оправданием всего поколения. В Париже каждый его вечер становится событием, где слушательницы – восхищенные студентки – наизусть декламируют стихи обаятельного и тщеславного поэта, которого в Чехословакии ждут верная жена и трехлетний сын.

Она на пять лет моложе его. Незамужняя (недавно разведенная) блондинка с миндалевидными глазами и классическим профилем. Малознакомые люди характеризуют ее кокетливой и легкомысленной девушкой, близкие друзья – скромной, неуверенной в себе женщиной «нервного склада». Ее зовут Ирина Юрьевна Гуаданини и она, разумеется, поэтесса. Правда, о ее единственном стихотворном сборнике знают только близкие друзья – остальные осведомлены лишь о том, что девушка зарабатывает на жизнь стрижкой пуделей.

«Как мне объяснить тебе, мое счастье, мое золотое, изумительное счастье, насколько я весь твой – со всеми моими воспоминаниями, стихами, порывами, внутренними вихрями...?»

(Письмо В. Набокова жене. 8 ноября 1923)

Они встретились во время его поездки в Париж. Знакомство происходило при матери Ирины, Вере Кокошкиной, которая, по слухам, всячески старалась «пристроить» дочь в качестве любовницы к знаменитым (Бунину) и подающим надежды (Сирину) писателям. Бойд в своей биографии цитирует Набокова: «Самое забавное, что мать была сводней». Эти слова, написанные под чутким руководством не только Набокова, но и его жены, опровергает Зинаида Шаховская: «Бедственное материальное положение женатого писателя было общеизвестно. Предвидеть, что Набоков станет всемирно известным и богатым писателем, не было никаких оснований». Как бы то ни было, Набоков вступил в переписку не только с Ириной, но и с ее матерью.

В январе 1937 года Ирина пришла на выступление Набокова. Из зала они выходили вместе. Ирину восхищал поэтический талант Набокова, Владимира – ее исключительная память на его стихи.

...Последний раз мы виделись, кажется, в Париже, - заметил я, чтобы вызвать одно из знакомых мне выражений на ее маленьком скуластом лице с темно-малиновыми губами: и действительно: она так усмехнулась, что будто я плоско пошутил или, подробнее, как будто все эти города, где нам рок назначал свидания, на которые сам не являлся, все эти платформы, и лестницы, и чуть-чуть бутафорские переулки, были декорациями, оставшимися от каких-то других доигранных жизней и столь мало относившимися к игре нашей судьбы, что упоминать о них было почти безвкусно.

(В. Набоков, «Весна в Фиальте»)

(Ирина Гуаданини. Источник фото: Б. Бойд. Владимир Набоков: русские годы. СПб. : Симпозиум, 2001.)

Спустя какое-то время Набоков возвращается в Прагу – к жене и сыну. Он ведет непрекращающуюся переписку с Ириной, разрываясь между двумя женщинами. Она пишет на имя В. Корфа, не зная о том, что это фамилия прабабки Набокова, баронессы, которая выдала дочь замуж за собственного любовника, чтобы иметь возможность продолжать свой роман.

В середине апреля Вера Набокова получает анонимное письмо: четыре страницы, исписанные по-французски, но – очевидно – русской рукой, на которых изложены все подробности увлечения Владимира «хорошенькой блондинкой, такой же взбалмошной, как и он». Муж отрицает измену. Вера подозревает, что отправитель мать Ирины, Вера Кокошкина.

«Неизбежная пошлость обмана. И вдруг совесть ставит подножку и видишь себя подлецом»

(Письмо В. Набокова – И. Гуаданини, весна 1937)

29 июня Набоков вместе с Верой и сыном приезжают на Парижскую международную выставку. Набоков задерживается в Париже под предлогом переговоров с издательством «Галлимар» о продаже прав на издание «Отчаяния» на французском языке. Урывками он встречается с Ириной. Вечером 1 июля, ожидая ее прихода, он записывает в записной книжке: «Я люблю тебя больше всех на свете».

Они провели вместе четыре дня. Отправившись на Ривьеру с Верой и Дмитрием, Набоков оставил Ирине блокнот, в котором она могла отсчитывать дни до его возвращения.

- Я тоже хочу сказать тебе что-то о любви - о нашей любви, чтобы ты всегда помнила. Самое важное в нашей любви - это общность наших восприятий и оценки окружающего. Будем ли вместе или на разных полюсах, будешь ли ты в Ницце или в Чите, мы, как и сейчас, будем одинаково чувствовать, понимать и реагировать на все, что нас окружает.

(И. Гуаданини, «Туннель»)

7 июля Набоковы выехали в Канн. По подсчетам Стейси Шифф, 14 июля 1937 Владимир признался жене, что влюблен в Ирину. Вера отвечает: «Если твои чувства так сильны – нужно ехать в Париж». Набоков, сделав паузу: «Сейчас не поеду». Он пишет Ирине, что жена не даст ему развод и отберет сына. Напоминает: «Канн полон тобой». Тайная переписка между Набоковым и любовницей продолжается до конца лета. Параллельно он пишет роман «Дар», главная героиня которого списана с Веры Набоковой.

«Как продолжение неоконченного разговора, как дрящущийся поцелуй, как неразъясненное объятие - письма, на короткий миг, подобные вспышкам молний, - прорезали давящую темноту одиночества. Написанные на вырванном из записной книжки листке - или на яркой цветной открытке - при свете уличного фонаря на углу улицы - или на яркой цветной открытке, на бегу - в писчебумажном магазине, на коленях - в трамвае, за столиком в кафе, - слова любви жгли, вызывая одновременно чувство счастья и боли...»

(И. Гуаданини, «Туннель»)

В августе Вера обнаруживает переписку. Набоков пишет об этом Ирине. Ирина отвечает, что готова приехать в Канны и сбежать вместе с ним. Владимир просит не делать этого. 9 сентября вместе с матерью она отправляется в Канны.

**И надо дожить, чтобы завтрашний день
Принес бы нам радость – письмо как поэму,
Поэму о счастье – на вечную тему...**

(И. Гуаданини)

(Набоков с семьей на пляже в Каннах, конец лета 1937 г. Источник фото: Б. Бойд. Владимир Набоков: русские годы. СПб: Симпозиум, 2001)

В ночь на 9 сентября Ирина появляется в Каннах. Находит дом Набокова. Стоит на площади Фредерик Мистраль и смотрит в окна его квартиры. Дождается утра. Набоков ведет за руку Дмитрия – движутся по направлению к пляжу. Ирина кидается к нему. Он растерянно отвечает, что любит ее, но слишком многое связывает его с женой. Просит ее уехать. Она отказывается, садится на пляже в отдалении и наблюдает. Через час к мужу и сыну присоединяется Вера. «Вдруг ей до тошноты стали противны и море, и яркое солнце, которое она всегда так любила, - как актер, вышедший не вовремя на сцену, - так остро она почувствовала диссонанс своего присутствия на этом южном песке, что, поспешно встав и не оглядываясь, пошла, не зная, куда себя девать и как дожить до следующего дня, когда ранний утренний поезд увезет ее отсюда», - запишет она через двадцать лет в повести «Туннель». На следующий день Ирина Гуаданини поспешно отбыла в Италию.

«И все это мы когда-нибудь вспомним, - и липы, тень на стене, и чьего-то пуделя, стучащего неподстриженными когтями по плитам ночи. И звезду, звезду»

(В. Набоков, «Дар»)

Набоков отослал Ирине ее письма и просил вернуть ее письма к нему. «В них столько надуманного, что не стоит хранить». Ирина сохранила все, кроме последнего. Когда пришел почтальон с еще одним, заказным, письмом, Гуаданини отказалась расписываться в его получении.

Через двадцать лет Ирина напишет повесть «Туннель», где расскажет о встрече в Каннах. Набоков вспомнит о ней уже через год после последней встречи, вспомнит, чтобы, наконец,

забыть – она перевоплотится в Нину из рассказа «Весна в Фиальте» и в девушку из «Дара», которая возбуждала в Чердынцеве ощущение «безнадежного желания».

По возвращению в Париж Ирина будет бедствовать. Общий знакомый Гуаданини и Набокова обратится к писателю с просьбой помочь женщине. Набоков даст немного денег: «Да, я стал скупым в старости...»

В 1976 году, спустя сорок лет после расставания с Ириной, в газете «Русская мысль» появится объявление: «Вл. Вл. Набоков разыскивает три портрета: его самого, его матери и жены, работы художницы Магды Нахман-Агария. Все три портрета написаны пастелью. Портреты находились в подвале квартиры И.И. Фондаминского и исчезли во время оккупации 1940 и 1942 гг.. Вознаграждение».

Разыскиваемый портрет молодого Сирина был написан в доме Фондаминского в те дни, когда там вместе с Набоковым находилась Ирина Гуаданини.

Татьяна Климова